

ДЕМОГРАФИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14

EDN: GKYHXX

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНОВ – МИГРАЦИОННЫХ РЕЦИПИЕНТОВ РФ И РОЛЬ МИГРАНТОВ ИЗ ГОСУДАРСТВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Рыбаковский О.Л.

ИСД ФНИСЦ РАН

(119333, Россия, Москва, ул. Фотиевой, 6, к. 1)

E-mail: 1246185@mail.ru

Для цитирования:

Рыбаковский О.Л. Демографический потенциал регионов – миграционных реципиентов РФ и роль мигрантов из государств Центральной Азии в его формировании // Народонаселение. – 2026. – Т. 29. – № 3. – С. 4-14. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14; EDN: GKYHXX

Аннотация. Объект исследования — демографический потенциал регионов — межрегиональных миграционных реципиентов России (2001–2024 гг.). Цель исследования — характеристика этого потенциала и выявление роли мигрантов из Центральной Азии в его формировании (2014, 2018–2021 гг.). Методы исследования — демографический статистический анализ. Источник статистики для расчётов — Росстат. Миграционный прирост населения из Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором депопуляции РФ. Ощутимые региональные различия в нём имеются между двумя столицами, «курортными» регионами юга, Тюменской областью, Европейскими и Азиатскими локальными миграционными реципиентами РФ и прочей её частью. Для современных мигрантов, «трансформирующихся» из временных в постоянных, важнейшими условиями выбора направлений являются: уровень зарплат, наличие занятости, стоимость аренды жилья. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в два первых макрорегиона существенно ниже, чем в среднем по России. Это объясняется как дороговизной аренды жилья, так и (для Санкт-Петербурга) отраслевыми ограничениями для мигрантов стран не из ЕАЭС. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в «курортные» регионы юга РФ также ниже общероссийской: здесь помимо дороговизны жилья существуют высокая конкуренция со стороны межрегиональных переселенцев — россиян и сезонный характер занятости во многих сферах. Интенсивность миграционного прироста из Центральной Азии в Тюменскую область существенно выше общероссийской: есть тяжёлая, но хорошо оплачиваемая работа. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в локальные межрегиональные миграционные реципиенты, за исключением «курортных», также существенно выше общероссийской. Суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте как РФ в целом, так и в её межрегиональных миграционных реципиентах, заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.

Ключевые слова: демографический потенциал, миграционный прирост, депопуляция, мигранты из Центральной Азии, переписные поправки.

Постановка проблемы, методы исследования, источники информации

Главная демографическая проблема РФ — депопуляция, или естественная убыль большинства её коренных народов, прежде всего, русских. Миграционный прирост населения из стран Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором этой убыли. Всё сильнее нарастает замещение коренных народов России выходцами из данных экономически слаборазвитых государств с малочисленным населением и мусульманским вероисповеданием. Процесс этот в последние годы идёт в основном за счёт трансформации временных мигрантов (трудовых, образовательных и др.) в постоянное население России с последующим приёмом части таких мигрантов и членов их семей в гражданство РФ [1]. Так, «в 2025 году паспорта РФ были выданы более чем 78 тыс. таджикистанцев. В 2024 г. их число составило 42,5 тыс. человек»¹.

Объект исследования в предлагаемой статье — демографический потенциал регионов — межрегиональных миграционных реципиентов России² в 2001–2024 годы. Предмет исследования — характеристика этого потенциала и выявление роли мигрантов из государств Центральной Азии в его формировании в последние годы (за 2018, 2019 и 2021). Методы исследования — демографический статистический анализ, в том числе балансовый метод. Отбор регионов России в группу миграционных реципиентов проведён по итоговому и частному сальдо постоянной межрегиональной миграции населения за период с 2001 по 2010 годы. Выбор периода отбора регионов объясняется тем, что с 2011 г. Росстат изменил методику учета постоянной миграции и постоянного населения РФ [2, С. 189–194], фактически смешав временную и постоянную миграцию населения и тем

самым, по нашему мнению, ухудшив эту текущую статистику. Относительные показатели, использованные в работе, — отношения миграционного прироста регионов РФ из стран Центральной Азии ко всему их такому приросту из-за рубежа или к аналогичному приросту РФ из Центральной Азии.

Источник статистики для расчётов — Росстат, его база данных ЕМИСС и ежегодные отчёты по 2024 год. Более свежей информации в открытом доступе нет. Вследствие того, что поправки трёх переписей населения РФ (2002, 2010 и 2020 гг.) вызывают у исследователей вопросы [2; 3], и большая часть поправок имеет «миграционное происхождение» [2], разнести (разделить) их на межрегиональные и зарубежные для регионов итоги не представляется возможным [4]. И для характеристики миграционных потоков в работе используются лишь текущие данные Росстата. Анализ миграционных потоков из государств Центральной Азии проведён по суммарным данным за 2018, 2019 и 2021 гг., данных по 2020 г. нами не найдено, а данные за 2022 г. нетипичны из-за значительного оттока населения РФ после начала СВО. Для сравнения имеется аналогичная информация за 2014 г. (без учёта Крыма).

С 2008 г. статистика о национальном составе иммигрантов не предоставляется. Можно предполагать, какая доля титульных народов Центральной Азии находится в миграционных потоках из этих государств. По нашим оценкам, она с начала XXI в. стремительно растёт, так как оставшаяся доля русских в странах Средней Азии мала, а доля мигрантов из Казахстана в Россию сокращается. При подведении итогов по группам субъектов РФ надо иметь в виду, что суммировать итоговые сальдо межрегиональной и/или внешней для регионов миграции населения без учёта обмена населением этих территорий между собой некорректно. Данные же о межрегиональной миграции Росстат предоставлял в XXI в. по 2019 г., но не всегда и не в открытом доступе.

Под демографическим потенциалом в данной работе мы подразумеваем лишь его часть — «текущие демографические возможности» [5] регионов, то есть численности их

¹ Посол РФ: Таджикистанцы проявляют высокий интерес к получению гражданства России // ТАСС, 11.05.2026. — URL: <https://tass.ru/obschestvo/27372259> (дата обращения: 14.05.2026).

² Анализ проведён без учёта информации по Донецкой Народной Республике (ДНР), Луганской Народной Республике (ЛНР), Запорожской и Херсонской областям.

постоянного населения, уровни воспроизводства и миграции населения за рассматриваемый период. С 2008 г. нами используются термины «основные и локальные межрегиональные миграционные реципиенты» РФ [6]. Основные миграционные реципиенты России — те регионы, которые имеют положительное сальдо межрегиональной миграции в обмене населением с подавляющим числом прочих регионов страны. Локальные миграционные реципиенты России — регионы, которые имеют положительное итоговое сальдо межрегиональной миграции и/или положительные сальдо межрегиональной миграции в обмене населением со смежными/соседними регионами, за исключением основных миграционных реципиентов России. В определениях используется лишь межрегиональная миграция, ибо все субъекты РФ в рассматриваемый период суммарно имели положительные сальдо зарубежной миграции, по которым их ранжировать нет смысла.

Обзор литературы частично представлен в вышеизложенном тексте, добавим следующее. Данная проблематика была и/или остаётся в центре внимания таких исследователей как Л.Л. Рыбаковский и Н.И. Кожевникова [7], Т.К. Ростовская и В.А. Безвербный [8], О.Д. Воробьева [9], В.Г. Доброхлеб [10], А.Е. Иванова и А.В. Топилин [9] и другие. Изучением миграции населения из стран Центральной Азии и её влияния на демографию России и её регионов занимались и/или занимаются такие исследователи как Л.Л. Рыбаковский [11], С.В. Рязанцев [12], Г.И. Осадчая и О.А. Волкова [13], Е.С. Красинец [14], В.Ю. Леденева [15], Е.П. Сигарева [16], Т.Н. Юдина [13] и другие. (Не раскрываем содержание работ данных исследователей вследствие ограниченности объёма статьи, их тексты представлены в Интернете). Отметим, что эти труды касаются демографической дифференциации регионов России, факторов этих различий, миграционной проблематики отдельных стран Центральной Азии, СНГ, ближнего зарубежья. Миграция населения из этих территорий рассмотрена для РФ в целом, её отдельных федеральных округов либо регионов. В работах Е.П. Сига-

ревой и С.Ю. Сивоплясовой [16] дана оценка влияния внешней миграции на рождаемость населения РФ. В представленной работе этот вопрос не затрагивается. В таком конкретном ракурсе, как в данной статье, трудов ранее не представлено.

Результаты и обсуждение

Центрами притяжения как зарубежных, так и межрегиональных мигрантов в России являются регионы — основные и локальные межрегиональных миграционные реципиенты (в дальнейшем, для краткости, — основные и локальные миграционные реципиенты). Основными миграционными реципиентами страны являются Московский, Ленинградский и Краснодарский макрорегионы, включающие пары субъектов РФ: Москву и Московскую область; Санкт-Петербург и Ленинградскую область; Краснодарский край и Республику Адыгея соответственно. Каждая пара представляет собой единое миграционное пространство, поэтому рассмотрение миграционных процессов в отдельных из этих субъектов РФ для понимания общей картины миграционной ситуации в стране необходимо, по возможности, дополнять и рассмотрением аналогичных процессов в этих парах — макрорегионах [17].

Московский макрорегион суммарно за 2001–2019 гг. получил миграционный прирост из-за рубежа в 510 тыс. человек³, Ленинградский — 171, Краснодарский — 204. Три макрорегиона в сумме добавили 885 тыс. человек, или 24% всего миграционного прироста РФ. В 2020–2022 гг. эта доля выросла до 31% (183 тыс. человек). По нашей оценке, в 2001–2019 гг. с учётом обмена населением данных шести субъектов РФ между собой суммарно они имели положительный межрегиональный миграционный прирост не менее 2,5 млн человек. Естественная убыль трёх столичных макрорегионов в 2001–2019 гг. составила 1,5 млн человек, или 1/5 от общероссийской, в 2020–2024 гг. — 0,5 млн человек, или 1/7 от общероссийской. Поправки трёх

³ Здесь и далее корректнее было бы использовать единицы измерения «постоянных миграций», а не «человек», так как отдельные перемещения в длительный период времени могут совершать одни и те же люди.

переписей населения РФ по данной группе субъектов РФ составили плюс 5,4 млн человек при общероссийских плюс 4,3 млн человек. Для сравнения: поправки трёх переписей населения РФ без учёта трёх столичных макрорегионов и шести республик Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) за тот же период были равны минус 2,2 млн человек. С учётом переписных поправок численность постоянного населения трёх макрорегионов за 19 лет выросла на 8,4 млн человек, а в 2001–2024 гг. — на 9,4 млн человек. Доля этих шести субъектов РФ в населении страны выросла с начала 2001 г. до начала 2025 г. с 18% до 25% (без учёта Республики Крым и города Севастополя). За этот же период численность населения остальной России сократилась на 10,6 млн человек: со 118,1 до 107,5 млн человек. Численность населения РФ без учёта трёх макрорегионов и шести республик СКФО за период снизилась на 12,9 млн человек.

Московский макрорегион суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получил миграционный прирост из-за рубежа 124 тыс. человек, Ленинградский — 32, Краснодарский — 55 тыс. человек. Три макрорегиона в сумме добавили 212 тыс. человек — это 25% всего миграционного прироста РФ. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла лишь 20% (53 тыс. человек). Миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составил: в Московском макрорегионе 40 тыс. человек (32% от всего прироста из-за рубежа данной агломерации), в Ленинградском — 8 (25%), Краснодарском — 18 тыс. человек (32%). Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии в три макрорегиона во всём приросте РФ составила всего 15%. Для сравнения: в 2014 г. эта доля была выше — 19% (10 тыс. человек).

Можно сделать вывод, что интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в три первых макрорегиона в 2014 г. и суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. была существенно ниже, чем в среднем по России. По шести субъектам ощутимые различия были между двумя первыми мегаполисами и окружающими их областя-

ми. Так, миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии в Московскую область почти в 6 раз превышал аналогичный объём в Москву. Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа в Ленинградской области была в 3 раза выше, чем в Санкт-Петербурге (39% и 13%).

Отдельного рассмотрения требует Тюменская область, как и три входящих в её состав территории. В рассматриваемый период она являлась единственным регионом России, имевшим как естественный, так и миграционный прирост населения. В 2001–2019 гг. миграционный прирост из-за рубежа составил 191 тыс. человек, естественный прирост — 383 тыс. человек. Оба прироста были положительными во всех трёх частях области. С учётом переписных поправок численность постоянного населения Тюменской области за 2001–2024 гг. увеличилась на 0,7 млн человек. Область суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 49 тыс. человек. При этом миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии составил 36 тыс. человек, или 73% от всего прироста из-за рубежа данной территории. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла лишь 49% (7 тыс. человек). По трём частям области различия в доле миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. были ощутимые: Ханты-Мансийский — Югра АО (ХМАО) — 81%, Ямало-Ненецкий АО (ЯНАО) — 44%, южная часть области — 73%.

Круг локальных миграционных рецептов за последние 25 лет менялся незначительно, и основная их часть с 2001 г. осталась в данной группе регионов. Это в Европейской России: Белгородская, Воронежская, Ярославская и Калининградская области; Республика Татарстан, Нижегородская и Самарская области; Ставропольский край. Некогда благополучная Белгородская область после начала СВО выбыла из этого списка. Республика Крым и город Севастополь (по статистике с 2015 г.) также входят в данную группу. В Азиатской части России локальными

миграционными реципиентами мы считаем Свердловскую, Новосибирскую и Томскую области; Приморский и Хабаровский края [18].

Положительный либо близкий к нулю межрегиональный миграционный прирост в целом за 2001–2019 гг. имели все Европейские и Сибирские локальные миграционные реципиенты. Лишь два края Дальневосточного ФО теряли население в обмене с прочей частью РФ (в сумме не менее 100 тыс. человек). В 2001–2019 гг. миграционный прирост из-за рубежа указанных 15-ти субъектов РФ составил 0,9 млн человек, в 2020–2022 гг. — 0,1 млн человек. Естественная убыль 13-ти регионов (без учёта Республики Крым и города Севастополь) в 2001–2024 гг. была равна 2,9 млн человек, или 28% от общероссийской.

Поправки трёх переписей населения РФ по 15 субъектам РФ составили в сумме плюс 225 тыс. человек. При этом Ярославская, Нижегородская, Свердловская и Томская области, а также Приморский и Хабаровский края имели суммарно отрицательные поправки 474 тыс. человек, остальные 9 регионов группы — положительные 699 тыс. человек. С учётом переписных поправок численность постоянного населения 13 регионов (без учёта Республики Крым и Севастополя) в 2001–2024 гг. сократилась на 1,5 млн человек: с 31,6 до 30,1 млн человек (с 22% до 21% от РФ). Численность постоянного населения Крыма выросла в 2015–2024 гг. на 160 тыс. человек, несмотря на естественную убыль 112 тыс. человек. Все 15 регионов суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получили миграционный прирост из-за рубежа 231 тыс. человек, или 28% всего такого прироста РФ. Для сравнения: в 2014 г. эта доля (без учёта Республики Крым и города Севастополь) составляла 21% (57 тыс. человек). Миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии в 15 территориях суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составил 132 тыс. человек, или 57% от их миграционного прироста из-за рубежа. По субъектам ощутимые различия в долях миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии во всём приросте из-за рубежа были между южными территориями Европейской части РФ (Республика

Крым и Севастополь, Белгородская область, Ставропольский край (7–25%)) и Азиатской частью России, а также Ярославской, Калининградской, Самарской областями и Республикой Татарстан (72–96%).

Суммарно по всем рассмотренным выше территориям имеем следующую картину. С учётом переписных поправок (плюс 5,7 млн человек) и без учёта Республики Крым и Севастополя численность постоянного населения данных регионов в 2001–2024 гг. выросла на 8,6 млн человек: с 61,6 до 70,2 млн человек, или с 43% до 50% от населения РФ. Естественная убыль всех этих регионов, за исключением Тюменской области, в 2001–2024 гг. составила 5,1 млн человек, или 49% от общероссийской. За 2001–2022 гг. основные и локальные межрегиональные миграционные реципиенты имели миграционный прирост из-за рубежа в сумме свыше 2,2 млн человек, или 53% всего миграционного прироста РФ. Данная группа регионов суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 492 тыс. человек, или почти 60% от всего миграционного прироста РФ. При этом миграционный прирост из пяти государств Центральной Азии составил 234 тыс. человек. Это 47% миграционного прироста данных территорий из-за рубежа. Доля миграционного прироста из пяти государств Центральной Азии в эти регионы во всём таком приросте РФ суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. составила 54%.

РФ в целом за эти три года имела миграционный прирост из-за рубежа 840 тыс. человек, в том числе из пяти государств Центральной Азии 435 тыс. человек или 52% от всего прироста. Для сравнения: в 2014 г. эта доля составляла 43% (115 тыс. человек). Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из-за рубежа 347 тыс. человек, или 41% всего такого прироста страны. Из государств Центральной Азии прирост составил 201 тыс. человек, или 58% от всего их миграционного прироста из-за рубежа. При этом в тех из этих регионов, что расположены в европейской части,

доля аналогичного прироста составила 48%, в азиатских — 79%.

По миграционному приросту всех рассмотренных выше территорий из отдельных стран Центральной Азии статистика за эти три года следующая. Максимальной в миграционном приросте РФ из Центральной Азии была доля выходцев из Таджикистана: по РФ в целом — 40%, по всей группе миграционных реципиентов — 37%, по Тюменской области в целом — 56%. Лишь по группе 15 локальных миграционных реципиентов эта доля (32%) была незначительно ниже, чем у выходцев из Казахстана (35%). Последние по РФ в целом составляли 26%, по Тюменской области в целом — 23%, по Московскому макрорегиону — 12% их миграционного прироста из Центральной Азии. Третье/четвёртое места делили между собой Кыргызстан и Узбекистан: по РФ в целом — 15% и 14% соответственно, по всей группе миграционных реципиентов — 13% и 16%, по Тюменской области в целом — 12% и 8%, по группе 15 локальных миграционных реципиентов — по 15%. Туркменистан составлял в миграционном приросте РФ из Центральной Азии лишь 4% (5% по Московскому макрорегиону, 0% по Тюменской области в целом).

По Ленинградскому макрорегиону данные не приводим, так как они от года к году диаметрально меняются (издержки порядка учёта постоянной миграции и постоянного населения Росстатом с 2011 г.). Так, в 2019 г. в северном столичном макрорегионе была миграционная убыль населения в Кыргызстан более 7,6 тыс. человек, хотя в 2018 г. и в 2021 г. наблюдался миграционный прирост 1,4 и 2,1 тыс. человек соответственно. Да и в 2014 г. территория имела миграционную убыль, но в Узбекистан (3,4 тыс. человек). Связано это ещё отчасти с тем, что во втором мегаполисе РФ введены региональные запреты для всех мигрантов, исключая из ЕАЭС, на занятость в такси, курьерской доставке и других сферах. А так как Росстат учитывает временных, в том числе трудовых мигрантов, как постоянное население при определённых условиях, то они и нарушают статистику миграции населения Санкт-Петербурга — началось это с 2011 года.

Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. получила миграционный прирост из государств Центральной Азии в такой пропорции: из Таджикистана — 44%, Казахстана — 22%, Кыргызстана — 18%, Узбекистана — 12%, Туркменистана — 3%. При этом в тех из этих регионов, что расположены в Европейских федеральных округах, аналогичные пропорции заметно различались с Азиатскими. В регионах из Европейских федеральных округов было: из Таджикистана — 54%, Казахстана — 17%, Кыргызстана — 9%, Узбекистана — 14%, Туркменистана — 6%; из Азиатских: из Таджикистана — 32%, Казахстана — 28%, Кыргызстана — 29%, Узбекистана — 10%, Туркменистана — 0%. Для сравнения: в 2014 г. остальная часть РФ получила миграционный прирост из государств Центральной Азии в такой пропорции: из Таджикистана — 18%, Казахстана — 33%, Кыргызстана — 11%, Узбекистана — 37%, Туркменистана — 1%. Таким образом, в 2018–2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте РФ из государств Центральной Азии заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.

В завершении скажем, что ещё 4 области Центрального ФО: Калужскую, Липецкую, Рязанскую и Тульскую — можно было бы отнести в группу локальных межрегиональных миграционных реципиентов страны, но по статистике только за последние годы. Надеемся исследовать миграционную ситуацию в данных субъектах РФ в дальнейшем.

Выводы

Методический вывод: суммировать итоговые сальдо межрегиональной и/или внешней для регионов миграции населения без учёта обмена населением этих территорий между собой некорректно. Миграционный прирост населения из стран Центральной Азии остаётся основным внешним компенсатором депопуляции в РФ. Нарастает замещение коренных народов России выходцами из данных государств с нетрадиционными

ми для России культурными и социально-экономическими традициями. Процесс этот в последние годы идёт в основном за счёт «трансформации» временных мигрантов в постоянное население РФ с последующим приёмом части таких мигрантов и членов их семей в гражданство страны.

Миграционный прирост из государств Центральной Азии в регионы России в последние годы в целом идёт неравномерно. Ощутимые региональные различия имеют место между двумя столицами, «курортными» регионами юга, Тюменской областью, европейскими и азиатскими локальными межрегиональными миграционными реципиентами, а также между территориями остальной части страны. Приграничные к Казахстану территории имеют в данной ситуации географическое преимущество. Для современных мигрантов, «трансформирующихся» из временных в постоянных, важнее уровень зарплат, наличие занятости и стоимость аренды жилья. Эти факторы и определяют направления и объёмы потоков мигрантов в регионы России.

Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в три первых макрорегиона по миграционному притоку в 2014 г. и суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. была существенно ниже, чем в среднем по России. Это объясняется: для Москвы — дороговизной жилья и его аренды, для Санкт-Петербурга — ещё и отраслевыми ограничениями для мигрантов из всех стран. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в «курортные» регионы юга РФ также ниже общероссийской: здесь помимо дороговизны жилья иностранные мигранты сталкиваются как с высокой конкуренцией со стороны межрегиональных переселенцев — россиян, так и с сезонным характером занятости во многих сферах. Суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. доля миграционного прироста из стран Центральной Азии во всём таком приросте из-за рубежа составила: в Севастополе — 7%, Республике Крым — 13%, Ставропольском крае — 25%.

Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в Тюменскую об-

ласть существенно выше общероссийской, так как есть тяжёлая, но хорошо оплачиваемая работа в сферах добычи нефти, газа и связанных с ними. Интенсивность миграционного прироста из стран Центральной Азии в локальные межрегиональные миграционные реципиенты, за исключением «курортных», также существенно выше общероссийской. Так, суммарно за 2018, 2019 и 2021 гг. доля миграционного прироста из стран Центральной Азии во всём таком приросте из-за рубежа составила: в Новосибирской области — 96%, Ярославской области — 93%, Хабаровском крае — 89%, Томской области и Приморском крае — по 86%. При исследовании миграционного прироста из отдельных стран Центральной Азии выявлено, что в 2018–2021 гг. в сравнение с 2014 г. в миграционном приросте как РФ в целом, так и её межрегиональных миграционных реципиентов, заметно сокращение доли выходцев из Узбекистана, Казахстана и Кыргызстана за счёт роста доли выходцев из Таджикистана.

Остальная часть РФ (помимо её межрегиональных миграционных реципиентов) имела аналогичные сдвиги в пропорциях миграционного прироста из государств Центральной Азии. При этом в тех из этих регионов, что расположены в европейских федеральных округах, аналогичные пропорции заметно различались с азиатскими. В регионах из европейских федеральных округов доля выходцев из Таджикистана в целом достигала 54%, Казахстана — 17%; из азиатских — из Таджикистана лишь 32%, Казахстана — 28%. Географическая соудалённость всегда являлась важным фактором миграции населения.

Литература и Интернет-источники

1. **Рыбаковский, О.Л.** Трудовая миграция как потенциал роста населения России / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // Народонаселение. — 2018. — № 4. — С. 58–67. EDN: YVSQCL
2. Миграционные процессы в России / под ред. В.В. Локосова и Л.Л. Рыбаковского. — Москва : Экон-информ, 2014. — 383 с. EDN: YTKXUN
3. **Зубаревич, Н.В.** «Лукавые цифры» на карте Родины / Н.В. Зубаревич // ЭКО. — 2012. — № 4. — С. 74–85. EDN: OXWZWX
4. **Рыбаковский, О.Л.** Баланс населения регионов России в 1992–2023 гг. и переписные поправки / О.Л. Рыбаковский // Народонаселение. — 2024. — Т. 27. — № 2. — С. 71–82. DOI: 10.24412/1561-7785-2024-2-71-82; EDN: HGRXPV
5. **Рыбаковский, О.Л.** Демографический потенциал: сущность, структура и основные факторы / О.Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — № 3. — С. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326; EDN: CQKRYK
6. **Рыбаковский, О.Л.** Миграция населения между регионами: проблемы методологии и методики анализа / О.Л. Рыбаковский. — Москва : Экон-Информ, 2008. — 287 с. EDN: QORJBV
7. **Рыбаковский, Л.Л.** Региональная дифференциация результативности демографических процессов / Л.Л. Рыбаковский, Н.И. Кожевникова // Социально-трудовые исследования. — 2020. — № 3(40). — С. 8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17; EDN: AGSUFU
8. **Ростовская, Т.К.** Взаимосвязи демографических и социально-экономических показателей развития регионов России / Т.К. Ростовская, В.А. Безвербный, А.М. Ситковский, С.В. Рославцев // Уровень жизни населения регионов России. — 2025. — Т. 21. — № 4. — С. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617; EDN: YZRFOF
9. **Воробьева, О.Д.** Региональная дифференциация демографической динамики России и роль здравоохранения / О.Д. Воробьева, А.Е. Иванова, Г.В. Ниорадзе, А.В. Топилин // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31. — Спецвыпуск 2. — С. 1275–1281. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281; EDN: VSJADQ
10. **Доброхлеб, В.Г.** К оценке различий человеческого потенциала мужчин и женщин в регионах России / В.Г. Доброхлеб // Народонаселение. — 2025. — Т. 28. — № 3. — С. 17–24. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24; EDN: XUULQP
11. **Рыбаковский, Л.Л.** Миграционная компонента и её вклад в демографическое развитие современной России / Л.Л. Рыбаковский // Уровень жизни населения регионов России. — 2023. — № 3. — С. 327–337. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337; EDN: EIOOWG
12. **Рязанцев, С.В.** Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / С.В. Рязанцев, Б.А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2024. — Т. 4. — № 3. — С. 105–118. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.7; EDN: XOJKLU
13. **Осадчая, Г.И.** Семейные ценности и ролевые установки мигранток из Центральной Азии / Г.И. Осадчая, О.А. Волкова, Т.Н. Юдина, М.В. Рославцева // Женщина в российском обществе. — 2024. — № 4. — С. 84–100. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6; EDN: BVXNGB
14. **Красинец, Е.С.** Миграционная составляющая демографической динамики в развитии человеческого капитала современной России / Е.С. Красинец // Миграционное право. — 2021. — № 1. — С. 11–14. DOI: 10.18572/2071-1182-2021-1-11-14; EDN: WFUCEI
15. **Леденева, В.Ю.** Влияние «миграционного потенциала» на экономическое и демографическое развитие стран-доноров и стран-реципиентов / Ю.В. Леденева, Х.А. Рахмонов // Вестник МГИМО-Университета. 2023. — Т. 16. — № 6. — С. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269; EDN: PUEKNQ
16. **Сигарева, Е.П.** Влияние внешней миграции на брачность и рождаемость в современной России / Е.П. Сигарева, С.Ю. Сивоплясова // Научный результат. Социология и управление. — 2022. — Т. 8. — № 1. — С. 68–91. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6; EDN: MSHYXI
17. **Рыбаковский, О.Л.** Закономерности и особенности межрегиональных миграционных связей населения России за 50 лет: [монография] / О.Л. Рыбаковский. — Москва : ФНИСЦ РАН, 2022. — 471 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021; EDN: CCHKVJ

18. **Рыбаковский, О.Л.** Миграционная ситуация на Дальнем Востоке России в начале XXI века / О.Л. Рыбаковский, О.А. Таюнова // *Народонаселение*. — 2019. — Т. 22. — № 3. — С. 4–14. DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-3-01; EDN: TKGVHP

Сведения об авторе:

Рыбаковский Олег Леонидович, д.э.н., главный научный сотрудник, ИСД ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; SPIN-код РИНЦ: 7022-5369.

DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14

DEMOGRAPHIC POTENTIAL OF REGIONS – MIGRATION RECIPIENTS OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE ROLE OF MIGRANTS FROM CENTRAL ASIAN STATES IN ITS FORMATION

Oleg L. Rybakovsky

ISD FCTAS RAS

(6, korpus 1, Fotievoy str., Moscow, Russia, 119333)

E-mail: 1246185@mail.ru

For citation:

Rybakovsky O.L. Demographic potential of regions – migration recipients of the Russian Federation and the role of migrants from Central Asian states in its formation. *Narodonaselenie [Population]*. 2026. Vol. 29. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.24412/1561-7785-2026-3-4-14 (in Russ.)

Abstract. *The object of this study is the demographic potential of regions – interregional migration recipients in Russia (2001–2024). The main objectives of the study are characterizing this potential and identifying the role of migrants from Central Asia in its formation in recent years (2018, 2019, and 2021). The research method is demographic statistical analysis. The source of statistics for the calculations is Rosstat. Migration growth from Central Asian countries remains the main external compensator for depopulation in the Russian Federation. Significant regional differences exist between the two capitals, the southern resort regions, Tyumen Oblast, European and Asian local migration recipients of the Russian Federation, and the rest of the country. For modern migrants «transforming» from temporary to permanent, the most important factors in choosing their destination are wage level, employment, and rental housing costs. The intensity of migration growth from Central Asia to the first two macroregions is significantly lower than the Russian average. This explained by high rental housing costs in Moscow and by industry-specific restrictions for migrants from all countries in St. Petersburg. The migration rate from Central Asian countries to the resort regions of southern Russia is also lower than the national average. Here, in addition to high housing costs, foreign migrants face both intense competition from interregional migrants – Russians and seasonal nature of employment in many sectors. The migration rate from Central Asian countries to Tyumen Oblast is significantly higher than the national average, as there are challenging but well-paid jobs available. The rate of net migration from Central Asian countries to local interregional migration destinations, with the exception of resort destinations, is also significantly higher than the Russian average. In 2018, 2019, and 2021, compared to 2014, both the Russian Federation as a whole and its interregional migration destinations saw a significant decrease in the share of immigrants from Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan, due to an increase in the share of immigrants from Tajikistan. The rest of the Russian Federation experienced similar shifts in the proportions of net migration from Central Asia.*

Keywords: *demographic potential, migration increase, depopulation, migrants from Central Asia, census amendments.*

References and Internet sources

1. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Trudovaya migratsiya kak potentsial rosta naseleniya Rossiya [Labor migration as the growth potential of the population of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2018. No. 4. P. 58–67. (in Russ.)
2. Migratsionnyye protsessy v Rossii [Migration Processes in Russia]. Eds. V.V. Lokosov, L.L. Rybakovsky. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2014. 383 p. (in Russ.)
3. Zubarevich N.V. «Lukavye tsifry» na karte Rodiny [«Cunning figures» on the map of Russia]. *EKO [ECO]*. 2012. No. 4. P. 74–85. (in Russ.)
4. Rybakovsky O.L. Balans naseleniya regionov Rossii v 1992–2023 gg. i perepisnyye popravki [Population balance of the regions of Russia in 1992–2023 and census corrections]. *Narodonaselenie [Population]*. 2024. Vol. 27. No. 2. P. 71–82. (in Russ.)
5. Rybakovsky O.L. Demograficheskii potentsial: sushchnost', struktura i osnovnyye faktory [Demographic potential: essence, structure and main factors]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2023. No. 3. P. 319–326. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_1_319_326 (in Russ.)
6. Rybakovsky O.L. Migratsii naseleniya mezhdu regionami: problemy metodologii i metodiki analiza [Migration between Regions: Issues of Methodology and Analysis Techniques]. Moscow. Ekon-Inform [Econ-Inform]. 2008. 287 p. (in Russ.)
7. Rybakovsky L.L., Kozhevnikova N.I. Regional'naya differentsiatsiya rezul'tativnosti demograficheskikh protsessov [Regional differentiation of efficiency of demographic processes]. *Sotsial'no-trudovyye issledovaniya [Social and Labor Research]*. 2020. Vol. 40. No 3. P. 8–17. DOI: 10.34022/2658-3712-2020-40-3-8-17 (in Russ.)
8. Bezverbnyy V. A., Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M., Roslavl'tsev S.V. Vzaimosvyazi demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh pokazateley razvitiya regionov Rossii [The interrelationship of demographic and socio-economic indicators of regional development in Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2025. Vol. 21. No. 4. P. 602–617. DOI: 10.52180/1999-9836_2025_21_4_8_602_617 (in Russ.)
9. Nioradze G.V., Topilin A.V., Vorobyova O.D., Ivanova A.E. Regional'naya differentsiatsiya demograficheskoy dinamiki Rossii i rol' zdavookhraneniya [Regional differentiation of demographic dynamics in Russia and the role of healthcare]. *Problemy sotsialnoy gigieny, zdavookhraneniya i istorii meditsiny. [Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine]*. 2023. Vol. 31. Special issue 2. DOI: 10.32687/0869-866X-2023-31-s2-1275-1281:1275-1281 (in Russ.)
10. Dobrokhleb V.G. K otsenke razlichiy chelovecheskogo potentsiala muzhchin i zhenshchin v regionakh Rossii [On the issue of assessing the differences in the human potential of men and women in the regions of Russia]. *Narodonaselenie [Population]*. 2025. Vol. 28. No. 3. P. 17–24. DOI: 10.24412/1561-7785-2025-3-17-24 (in Russ.)
11. Rybakovsky L.L. Migratsionnaya komponenta i yeyo vklad v demograficheskoye razvitiye sovremennoy Rossii [The migration component and its contribution to the demographic development of modern Russia]. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii [Living Standards of the Population in the Regions of Russia]*. 2023. No 3. P. 327–337. DOI: 10.52180/1999-9836_2023_19_3_2_327_337 (in Russ.)
12. Ryazantsev S.V., Sydygalieva B.A. Novyye trendy migratsii iz Kyrgyzstana v Rossiyskuyu Federatsiyu [New trends in migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation]. *DEMIS. Demograficheskiye issledovaniya [DEMIS. Demographic Research]*. 2024. Vol. 4. No. 3. P. 105–118. DOI: 10.19181/demis.2024.4.3.7 (in Russ.)
13. Osadchaya G.I., Volkova O.A., Yudina T.N., Roslavl'tseva M.V. Semeynyye tsennosti i rolevyye ustanovki migrantok iz Tsentral'noy Azii [Family values and roles of migrant women from Central Asia]. *Zhenshchina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian Society]*. 2024. No. 4. P. 84–100. DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.6 (in Russ.)
14. Krasinets E.S. Migratsionnaya sostavlyayushchaya demograficheskoy dinamiki v razvitii chelovecheskogo kapitala sovremennoy Rossii [Migration component of demographic dynamics in the development of human capital in modern Russia]. *Migratsionnoye pravo [Migration Law]*. 2021. No. 1. P. 11–14. DOI: 10.18572/2071-1182-2021-1-11-14 (in Russ.)

15. Ledeneva V. Yu., Rakhmonov A. Kh. Vliyaniye «migratsionnogo potentsiala» na ekonomicheskoye i demograficheskoye razvitiye stran-donorov i stran-retsipiyentov [The impact of 'migration potential' on the economic and demographic development of donor and recipient countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta [MGIMO Review of International Relations]*. 2023. Vol. 16. No. 6. P. 250–269. DOI: 10.24833/2071-8160-2023-6-93-250-269 (in Russ.)
16. Sigareva E. P., Sivoplyasova S. Yu. Vliyaniye vneshney migratsii na brachnost' i rozhdayemost' v sovremennoy Rossii [The impact of external migration on marriage and fertility in modern Russia]. *Nauchnyy rezul'tat. Sotsiologiya i upravleniye [Research Result. Sociology and Management]*. 2022. Vol. 8. No. 1. P. 68–81. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-1-0-6 (in Russ.)
17. Rybakovsky O. L. Zakonomernosti i osobennosti mezhhregional'nykh migratsionnykh svyazey naseleniya Rossii za 50 let [Patterns and Features of the Interregional Migration Relations of the Russian Population for 50 Years]. Moscow. FNISs RAN [FCTAS RAS]. 2022. 471 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-383-6.2021 (in Russ.)
18. Rybakovsky O. L., Tayunova O. A. Migratsionnaya situatsiya na Dal'nem Vostoke Rossii v nachale 21 veka [Migration situation in the Far East of Russia at the beginning of the 21st century]. *Narodonaselenie [Population]*. 2019. No. 3. P. 4–14. DOI: 10.26653/1561-7785-2019-22-3-01 (in Russ.)

Information about the author:

Rybakovsky Oleg Leonidovich, Doctor of Economics, Chief Researcher, ISD FCTAS RAS, Moscow, Russia.
Contact information: e-mail: 1246185@mail.ru; ORCID: 0000-0002-8937-3166; Elibrary SPIN-code: 7022–5369.

Статья поступила в редакцию 31.05.2026, утверждена 20.08.2026, опубликована 30.09.2026.